

Осознав, что он собирается сделать, я хмуро уставился на Толстяка. В одной руке у меня был нож, в другой удочка. Воткнув нож в землю, я схватил его за шиворот: "Нахрена тебе мое дерьмо? В копрофилы переквалифицировался? И как, блять, ощущения?"

Толстяк оттолкнул мою руку: "Завязывай с грязными фантазиями, у нас времени на это нет! Садись срать!"

Мысленно послав его нахуй, держась за живот, я оглядывался, ища, чем бы запустить в него, но на земле было пусто. Не понимая, что я ищу, Толстяк вытаращился и заорал: "Если какахами не обеспечишь, мы сможем сделать приманку, лишь выкопав Лэй Бэньчана и порубив его на куски!"

Я обернулся, ища помощи Молчуна, но он даже не смотрел в нашу сторону. Левой рукой он вытащил нож-бабочку и полоснул по правой ладони, а затем прыгнул в озеро.

Вода на мелководье едва доставала ему до груди, рана на ладони была глубокой, я хорошо видел стекающие струйки крови. Шлепая раненой рукой по водной глади, он направился туда, где моя леска скрывалась под водой, и она тут же потянулась в его сторону.

"Берегись! Она плывет к тебе!" — крикнул я Молчуну, но леска тут же изменила направление. Та ее часть, что оставалась в воздухе, прочертила линию над младшим братом, задев его затылок.

Глядя на это, Толстяк пробормотал удивленно: "А это точно рыба? Она ведет себя, как человек".

Судя по предыдущему столкновению с рыбиной, она умеет атаковать исподтишка, питается мясом и очень бдительная. Это немного пугало.

Помню какой-то документальный фильм про крокодилов. Они атакуют внезапно, но в случае неудачи не спешат удаляться, остаются на месте, следят за жертвой и снова нападают. Однако, звери поступают так, желая заполучить еду. Они даже не думают запугивать свою жертву.

Однако, эта рыба сейчас словно проверяла реакцию Молчуна. Такое поведение даже животным с верхней ступени пищевой цепочки не свойственно. Разве что стайные хищники, вроде волков, могут действовать таким образом.

Толстяк тоже прыгнул вниз, порезал себе руку морским рыболовным крюком и направился к Молчуну.

Я еще сомневался некоторое время, не решаясь повторить их действия. Но сердцебиение никак не унималось, и я сиганул в воду, окунувшись с головой. Холодная вода быстро успокоила меня, вынырнув на поверхность, я уже был полон решимости, вытащил свой нож и порезал им ладонь. Кровь закапала в воду, я, схватив удочку, бросился вслед за Толстяком, по дороге стараясь не запутать леску. В какой-то момент она ушла в воду прямо передо мной, а затем начала двигаться по кругу: рыба плавала вокруг нас, но не приближалась.

"Не дай ей сорваться с крючка!" Толстяк ловил фонарем то место, где леска уходила в воду, но свет был слабый, и тень рыбы постоянно ускользала в темноту. Но мы могли ориентироваться и уходило от лески, которая указывала местоположение рыбы под водой. Но если рыба сорвется, мы будем беспомощны перед ней.

"Ближе, еще немного ближе!" — крикнул я. Мы втроем продолжали отдаляться от каменной стены и вскоре оказались на краю отмели. Свет моего фонаря скользнул по дну, и вдруг я заметил что-то странное. Мой мозг словно взорвался, и я заорал: "Толстяк, мы попались!"

Толстяк тоже направил туда свет. На краю отмели под водой маячили бесчисленные тени, частично скрытые темнотой глубокой воды.

"Блять, это не мы рыбу ловим, а рыбы ловят нас! — взревел Толстяк. — Валим отсюда!"

Толстяк схватил Молчуна, пытаясь утащить его на глубоководье, но тот отпихнул его: "Они не настоящие".

Впечатлившись его спокойствием, я снова попытался рассмотреть тени под водой. Они оказались каменными резными статуями. Тогда я осмотрел дно у себя под ногами и понял, что это не просто отмель, а, возможно, верхушка затонувшего здания или подводного сооружения, щедро укрытая белой солью. Может быть, эти резные статуи украшают карниз, скрытый под водой?

Пока я соображал, Молчун оперся на мое плечо, выбрался из воды, другой ногой оперся на плечо Толстяка и присел, требуя: "Леску давайте!"

Я протянул ему конец удочки, Молчун двумя пальцами зажал леску и приказал: "Выключайте фонари!"

"Так ничего же не видно будет!" — удивился Толстяк.

"Я ее чувствую, выключай свет, — спокойно ответил Молчун. — Когда я прыгну, один вытаскивает удочку и отпускает леску, а второй включает фонарь".

Мы с Толстяком переглянулись. Если младший брат сказал, надо выполнять. Я послушно выключил фонарь и стал попеременно отпускать и вытягивать леску, дразня рыбу. Сработало, она направилась к нам.

Вода была очень холодной и секунд через двадцать меня затрясло в ознобе. Одновременно я чувствовал приближение рыбы. Кажется, она двигалась по спирали или зигзагом. Еще через десять минут мои ноги онемели, но к этому времени движение рыбы под водой ощущалось отлично, на нас уже накатывали небольшие волны.

Толстяк тихо предупреждающе хмыкнул, я ухватил удилище покрепче и сосредоточился, а затем почувствовал, как шевельнул ногой на моем плече Молчун, группируясь для прыжка, и все его тело напряглось.

Теперь я совсем забыл про холод и сконцентрировал все внимание на движении в воде. Через секунду младший брат прыгнул.

Как только его тяжесть перестала мне давить на плечи, я поднял удилище и повернул фиксатор, а Толстяк включил фонарь. Я видел, как Молчун, держа леску в одной руке в метре от меня набросился на огромную длинную тень.

Он мгновенно погрузился с головой, раздался громкий всплеск, а затем из воды взметнулся огромный рыбий хвост и ударил Толстяка, отбросив его в сторону так, что тот тоже оказался весь под водой.

Вот я и увидел эту рыбину. Хвост покрыт мелкой чешуей, цвета хаки с черными полосами. Похоже, какой-то вид угря. Этот хвост был толстый, как телеграфный столб.

Вынырнувший Толстяк заорал: "Блядский демон, это же тысячелетний угорь!"

Катушка под моей ладонью продолжала бешено вращаться. Я следил за темной тенью, которая то погружалась, то всплывала к поверхности. В какой-то момент я заметил его чешую из медных монет, покрывающую часть тела рыбы. Толстяк хотел ударить ее морским крюком, но я остановил. Там ведь Молчун, есть риск промахнуться. В этот момент рыбина вновь оказалась близко к поверхности и отшвырнула Молчуна в мою сторону. Но леска была обмотана вокруг его талии и соединялась с рыбой, поэтому его снова утащило под воду.

Теперь я понял его замысел.

Он хотел запутать ее леской. С такой огромной рыбой в воде не справиться. Но если она запутается, то может запаниковать. А попытки освободиться от лески приведут к тому, что рыба еще больше запутается.

И у Молчуна получилось. Я заметил несколько сотен витков лески вокруг рыбьего длинного тела. Однако, и сам Молчун умудрился запутаться, и теперь вновь оказался под водой.

Рыбина словно взбесилась. Отшвырнув удочку, я одной рукой вытащил фонарь и вместе с Толстяком пошел искать леску, связывающую Молчуна с рыбой. Но поймать ее не получалось: тонкая нейлоновая нить проскальзывала между пальцами. Толстяк пришел в ярость и стал лупить по воде кулаками и топать ногами, а я крикнул: "Перережь ее! Иначе младшему брату конец!"

Толстяк схватил свой крюк, собираясь перерезать леску, но в этот момент у меня под ногами образовалась пустота. Оказалось, я стоял на самом краю отмели, с которой и упал.

Рыбина с Молчуном тоже оказалась в глубокой воде. Я изрезал руки и ноги, запутавшись в леске, связывающей их, и был в бешенстве.

Так втроем мы медленно погружались в темную глубину озера.

Температура на глубине была еще ниже, чем у поверхности, да еще в этом месте, кажется, сталкивались несколько подводных течений и образовался водоворот. Нас начало закручивать в нем. Я вытащил нож-бабочку, чтобы перерезать леску. Понимаю, что рыба окажется на свободе, но если этого не сделать, мы с Молчуном умрем.

Затем я увидел свет над своей головой. Это был Толстяк, который нырнул следом с фонарем, чтобы помочь, но он оказался слишком далеко. Течением нас отнесло на несколько сотен метров, похоже, по дну озера пролегалo русло подземной реки. Если нас утянет в нее, то это верная смерть.

Зажав фонарь во рту, я замахнулся ножом, но из темноты меня схватила чья-то рука. Это был Молчун, опутанный леской, но невероятно спокойный. И он не смотрел на рыбину, его взгляд был устремлен в другую сторону.

Свет моего фонаря скользнул вниз, где я ожидал увидеть лишь пустоту. Но там оказалось древнее здание, сплошь покрытое кристаллами соли, поднимающееся со дна озера. Его основания в темной воде не было видно, но на окнах верхних уровней была заметна искусная резьба. Правда, все это выглядело ветхим, соляные наросты в виде цветов казались

единственным украшением. Но самым удивительным были колонны, поднимавшиеся со дна и увенчанные карнизами. Даже под слоем соли была видна изящная роспись. Цвета были яркие и насыщенные, словно их нанесли совсем недавно. Никаких признаков эрозии и выцветания.

Мы плыли вдоль здания, словно птицы, летящие по воздуху, рассматривая подводный храм. Не знаю, откуда, но изнутри появился красноватый свет, словно там зажгли красные фонари. Этот свет становился сильнее, затем тускнел. Неужели в этом храме обитает какое-то чудовище?

Нас снова увлек водоворот, я заметил, что центром его является этот подводный храм. И, чем глубже мы погружаемся, тем сильнее вращение воды.

У меня не осталось сил сдерживать дыхание. Из-за курения мои легкие совсем стали плохи. Я ухватил Молчуна за руку и перерезал леску. Мы вдвоем были свободны, рыба тоже. Огромный угорь, вырвавшись из наших пут, метнулся вниз, проплывая над подводной лестницей. Теперь я видел его целиком. Понятия не имею, что это за вид и почему у него вместо чешуи на теле медные монеты. Но под водой, он действительно напоминал небольшого водяного дракона.

Запаниковав, я поднял голову и увидел леску, свободно спускавшуюся от поверхности и достающую здание под водой. Молчун ухватил меня за руку, другой рукой поймал леску. Это позволило нам остаться на месте в бурном течении. Леска натянулась, но не оборвалась, и мы мало-помалу стали подниматься вверх.

Поднявшись на поверхность, я понял, что это леска из комплекта ловца трупов, подаренного Лэй Бэньчану. Такие используют также для ловли крупной морской рыбы. Она сама по себе прочная, да еще закреплена на стальном удище, которое ударило о камни, когда мы вынырнули. Выбравшись из воды на каменную стену, я посигналил Толстяку фонарем. Он все еще метался на мелководе, высматривая нас в воде, но, когда увидел, что с нами все в порядке, вздохнул с облегчением.

Он насквозь промок и осторожно сжимал пораненные ладони. Мы вернулись в лагерь и переоделись. Спустя некоторое время Толстяк сказал: "Должно быть, этих рыб сюда запустили те, кто построил здесь храм. Люди говорят, что некоторые угри могут жить до тысячи лет, как и черепахи. В душе не ебу, что это за рыба такая, но вряд ли мы сможем ее поймать".

Я вспомнил картину, увиденную под водой: должно быть, павильоны подводного храма так же встроены в скалу, как и тот, что на поверхности. А яркие цвета на колоннах — не роспись, а инкрустация самоцветами. Не сравнить с храмом Лун-вана мертвого озера на берегу. А этого огромного угря, возможно, и считали Лун-ваном. Может, он устроил себе внутри подводного храма гнездо. Вот только что за красноватые огни были внутри?

Кстати, наживка у нас закончилась, а как без нее эту рыбку поймать, понятия не имею. Впрочем, я же видел ее всю целиком: разве такое вообще реально поймать?

Да и надо ли убивать эту рыбу? Нас ведь это не касается, не навлечем ли мы проблемы на свои задницы? Да и зачем убивать рыбу, которая прожила так долго и скорее всего, скоро сама померет своей смертью?

Даже если бы мы ее поймали, можно ли из такого старого существа приготовить еду и съесть ее?

Однако, после долгих месяцев оцепенения во мне вдруг пробудилось любопытство. Я ошалело таращился на воду. Сможем ли мы уйти отсюда? И это знакомое ощущение, когда азарт столь силен, что нет сил остановиться, пугал. Я еще раз задал себе вопрос: смогу ли я отсюда

выбраться? Я же не раз сдавался, когда чувствовал приближающуюся опасность. Почему бы не поступить также в случае обычной неудачи? Да легко!

Однако, смогу ли я повернуть обратно в любой момент? Если внутри храма Лун-вана мертвого озера меня постигнет неудача, смогу ли я отступить? Кажется, я инстинктивно не хотел идти дальше, понимая, что потом не смогу остановиться.

Если так, то я мастерски лгу самому себе?

Я вдруг кое-что понял. В те периоды своей жизни, когда меня окутывало оцепенение, я даже не пытался раскрывать какие-то тайны. И теперь понял, что со мной не так.

"Пойдем назад". Сжав зубы, я похлопал Толстяка по плечу и начал собирать свои вещи. Молчун, ни сказав ни слова, тоже закинул свой рюкзак за спину. И лишь Толстяк растерянно ойкнул: "Здрасти, приехали!"

"Что? Вот так просто уйдем? — спросил он меня. — Можно не осматривать храм Лун-вана, но рыбу-то поймать надо".

Я закурил сигарету: "А кто сказал, что мы ее ловить не будем? Эта рыба должна быть поймана. И храм Лун-вана мы должны осмотреть".

"Но ты же собираешься уйти, почему? Все в порядке. Мы подождем, когда у тебя снова кишки взбунтуются, наберем наживки. Думаю, ты сможешь обеспечить достаточное количество", — продолжал настаивать Толстяк.

Я не ответил и потянул его за собой.

Кое-что мы все-таки узнали. Правда, для меня так и осталось тайной, что хотел сказать мне Молчун. Но по крайней мере, в себе я немного разобрался.

Мы обязательно поймаем эту рыбу. Но не сейчас. Однажды, через несколько дней или несколько лет, мы вдвоем вернемся сюда порыбачить и выплатить долг Лэй Бэньчану. Жаль, что я не был с ним добрее при жизни, но я же многого не знал о нем.

Теперь, каждый раз просыпаясь в полночь, я буду думать об этом подводном храме подобно тому, как думал десять лет о бронзовых воротах. Целых десять лет, эти ворота удерживали меня на плаву, не позволяли предаться унынию, разжигая мое любопытство и желание доказать свою состоятельность. А еще я ведь дал обещание. Все это делало мою жизнь насыщенной и интересной. И в этот раз будет так же.

Мое уединение в деревне — это не бегство. Как Толстяк пытался справиться со своей болью в Банае, так и я должен научиться оставлять в прошлом некоторые вещи, не впадая в уныние и оцепенение. Поэтому я решил пока остаться в деревне. Или в другом месте: важно, что я сам буду решать, где и зачем мне быть, когда взяться за дело, а когда отступить.

Я сильно изменился, словно прошел через цикл перевоплощений, от мелкого пацана до взрослого мужчины, каким стал сейчас. Каким будет мой следующий шаг? И, когда я дойду до истины, узнаю все, что можно узнать, то останусь ли тем Наивняшкой, каким был в этом году? Такое возможно?

Не просто возможно, это нормально. Люди — просто вид животных, жизнь которых идет по спирали. Мы возвращаемся к истокам, осознавая, что всего лишь изменились внешне, выросли,

потолстели, постарели, поумнели. Я уже могу думать о прошлом, не испытывая боли. И могу доверять другим, не забывая о себе.

Мы вернулись в деревню. Была одна вещь, о которой я ничего не рассказал Толстяку и Молчуну. Это беспокоило меня, но теперь я знаю, как поступить.

Я достал свою старую сумку со снаряжением. Там был мобильный телефон с устаревшей симкой, которой я когда-то пользовался. Зарядив телефон в присутствии Толстяка, я открыл последнее смс, полученное мной накануне Нового года с неизвестного номера.

Там было всего одно предложение: "Барабанная башня на востоке Нанкина, Метеорологический музей на холме Бэйцзи Гэ, шкафчик 221. С Новым годом!"

Моя интуиция подсказывала, что это сообщение от третьего дяди.

От переводчика.

На этом "Записки. Десять лет спустя" я закончу. Есть еще третья часть, посвященная истории Чэнь Пи четвертого, но текста в общем доступе нет, поэтому пока будем считать эту книгу завершенной.

И полагаю, последнее смс, озвученное У Се - это пролог грядущей "Перезагрузки". Но до нее еще далеко. Пока мы вернемся в Тибет, разбираться с историей Молчуна.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/82870/3269908>